

Т. В. Панич

**ПЕРЕВОДЫ КОНЦА XVII в. В СОСТАВЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕДАКЦИИ
ПОЛЕМИЧЕСКОЙ КНИГИ «ЩИТ ВЕРЫ»***

«Щит веры» является одним из интересных и важных по своему историко-литературному значению полемических памятников конца XVII в. Он отразил спор грекофилов и латинствующих по вопросу о времени пресуществления святых даров на литургии, который в течение нескольких лет был одним из главных событий не только церковной и общественной жизни, но и письменной культуры «переходного» периода. Помимо того, что книга представляет источник сведений о причинах и истории конфликта, она предстает и как литературный памятник конца XVII в., построенный по определенным литературным канонам и отразивший на своих страницах сложную картину идейной борьбы и литературного процесса своего времени с его особенностями и противоречиями.

Текстологический анализ известных на сегодняшний день списков «Щита веры» позволил реконструировать историю текста памятника, проследить основные этапы работы по его созданию и редактированию, установить две его редакции: Основную (она сохранилась в нескольких списках конца XVII — начала XIX в.), составленную Афанасием Холмогорским, и Дополненную, представленную единственным списком конца XVII в. (ГИМ, Синод. собр., № 346), автором которой был Евфимий Чудовский. Если текст Основной редакции окончательно сформировался после февраля 1691 г.¹ хотя работа над ней началась раньше, по-видимому, после январского собора 1690 г., посвященного решению спорной проблемы, или незадблемы, или незад, то работа над созданием Дополненной редакции продолжалась на протяжении нескольких лет, а завершена была не ранее середины сентября 1699 г. [подробнее об этом см.: Панич, 2004, 165—176]. Эта редакция по сравнению с Основной имеет свои особенности, которые и дают основание называть ее Дополненной. При ее подготовке сформированный ранее текст памятника не подвергся какой-либо переработке, он был оставлен практически без изменений; исключение составляют новое оглавление и Послание инок Евфимия патриарху Адриану, помещенные в начале книги [ГИМ, Синодальное собр., № 346, л. 1—10 об.]. Редактор попросту дополнил его рядом новых глав. В результате весь присоединенный комплекс материалов более чем вдвое увеличил общий объем

* В рамках исследования, финансируемого программой фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (разд. 4).

¹ Такая датировка связана с тем, что все известные списки памятника содержат «Повесть о расстриге», сообщающую о казни Сильвестра Медведева 11 февраля 1691 г. (имеются в виду полные списки «Щита веры» или же в извлечениях, но с «Повестью»).

«Щита веры» и расширил содержание и проблематику сборника (окончательный текст в списке насчитывает более 1 300 листов).

В состав Дополненной редакции, которой Евфимий Чудовский дал второе название («Душевное сокровище»²), чтобы обозначить свой собственный вклад в создание «Щита веры», он включил и несколько переводных текстов конца XVII в., многие из которых были переведены самим Евфимием и его учениками и помощниками³. Они занимают в книге большое по объему и значению место и заслуживают специального рассмотрения.

В комплекс дополнительных материалов вошли выписки из переводных святоотеческих сочинений и трудов поздних греко-византийских авторов в жанре слов, поучений и бесед на разные темы — от богословских до религиозно-этических. Особое место среди них принадлежит памятникам канонической литературы и полемическим сочинениям антилатинской направленности. Вот как позднее сам Евфимий в перечне своего книжного вклада в Успенский собор описывал состав Дополнений к тексту, подготовленному холмогорским архиепископом, в ряду которых он назвал несколько переводных текстов: «Книга сия святая, именуемая Душевное сокровище, стяжание Чудова монастыря грешнаго негли монаха Евфимия. В сей книзе, в ней же по указу святейшаго Иоакима патриарха собраны осм книги. Первая — Щит веры — сочинение преосвященнаго Афанасия, архиепископа Холмогорскаго и Важескаго с потрудившимися с ним. В сей же книзе положися вторая книга Акос, или Врачевство. Третья книга Диалоги грека учителя с иисуситом. Четвертая книга Василиа Великаго — пять словеса обличительная на Евномия-еретика и иныя разныя его беседы и словеса некая тогожде и иных святых, новопреведенная с греческаго диалекта. Пятая книга Нектария, патриарха Иерусалимскаго. Шестая книга Игнатия Богоносца — десять послания. Седмая книга на глаголющия, якобы не подобает писати образа Бога Отца седа власы и реестр на тое. Вся сия книги и словеса, не бывшая до днесь на славенстем нашем языке, но ныне новопотружденная, преведошася с греческих книг, елико возможеся...» [РНБ,

² Не могу согласиться с ничем не обоснованным утверждением некоторых исследователей, что «Душевное сокровище» представляет новый текст, включивший «Щит веры» в качестве одной из его составных частей [см., например: Курукина, 1994, 433; Ровинская, 1998, 428—429]. Анализ книги говорит о том, что Евфимий не придавал ей такого значения. Об этом свидетельствует единое оглавление ко всему кодексу, а также список этого оглавления, отдельно помещенный в рукописи (автограф Евфимия) в составе статей, предворяющих текст книги Симеона Солунского в его переводе [ГИМ, Синод. собр., № 654, л. 10—13 об.; описание сб. см.: Горский, Невоструев, 1859, 486—494]. Здесь дано двойное название книги: «Собранная в книзе, глаголемой Щит, или Сокровище». Кроме того, в Послании Евфимия патриарху Адриану (включено в текст данной редакции) в числе подготовленных для «печатного тиснения» трудов нет упоминания книги «Душевное сокровище», назван именно «Щит веры» [см.: Панич, 2004, 166—168].

³ Отдельные из этих переводов относятся к 1693 г., что в свое время послужило основанием для М. Сменцовского датировать создание данной редакции (он называл ее «более полной») этим годом [см.: Сменцовский, 1899, 242—243]. О переводческой деятельности Евфимия Чудовского см. библиографию работ Т. А. Исаченко и других исследователей [Исаченко-Лисовая, 1992, 287—296; Буланин, 2004, 695—698].

собр. Погодина, № 1963, л. 182]⁴. Далее Евфимий отметил, что включил в книгу и другие важные материалы, подготовленные за время после создания первой редакции книги и отразившие важные, с его точки зрения, события и факты, касавшиеся церковной жизни и идейной борьбы последнего десятилетия уходящего столетия: «обличения соборная на новопрозябшия еретики Иана Белободского, Григория Скибинского и Петра роздиакона, и иныя нужнейшыя Церкви Божией потребы». Он выражал здесь надежду на то, что собранная им книга будет издана вместе с другими трудами (переведенными им самим или нанятыми специально для этого переводчиками, о чем он кратко обмолвился: «за преведение мзду даях от себе»). В их числе старец Евфимий назвал: книгу Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника, труды Кирилла Иерусалимского, «Андриатис» Иоанна Златоуста, «Синтагму» Матфея Властаря, антилатинские сочинения Григория Паламы и др.

Здесь следует обратить внимание на слова Евфимия о том, что данное собрание текстов (имеются в виду и перечисленные вкладчиком переводные сочинения) осуществлено «по указу святейшаго Иоакима патриарха», т. е. еще при жизни Иоакима, на начальном этапе собирания материалов для «Щита веры» планировалось сделать как новые переводы с греческого, так и «не бывшая до днесь» переводы сочинений Василия Великого, Игнатия Богоносца, Нектария Иерусалимского и других авторитетных богословов прошлого. Необходимо понимать, сколь большое значение имели для писателей-полемистов все эти тексты. Они были необходимы в качестве авторитетных и надежных источников, на которые можно было смело опереться в спорах с идейными противниками (латинствующими). Создатели «Щита веры» ставили перед собой задачу всестороннего и исчерпывающе глубокого рассмотрения в своей книге спорного вопроса о времени пресуществления святых даров. Они широко цитировали переводные святоотеческие сочинения и труды поздних греко-византийских полемистов, выстраивая свою систему доказательств в обоснование учения Православной церкви по вопросу о предложении святых даров и другим дискуссионным проблемам, занимавшим умы русских богословов в конце XVII в. Таким образом, переводческая деятельность во многом была мотивирована поиском новых материалов, дополнительных аргументов для обоснования и защиты собственной позиции в идеологических дискуссиях. Кроме того, пересмотр переведенных ранее текстов, «испорченных» от многократной переписки, и осуществление их новых переводов были продиктованы необходимостью доказать своим оппонентам ошибочность их интерпретации этих сочинений. Дело в том, что полемисты другой стороны конфликта (латинствующие) часто опирались на те же источники, что и грекофилы, находя в них для своей системы доказательств подходящие цитаты и интерпретируя использу-

⁴ Текст представляет список (черновой автограф Евфимия Чудовского) книг, переданных им 25 марта 1702 г. в качестве вклада в Успенский собор, в патриаршую ризницу «за оставление грехов» [описание рукописи см.: Бычков, 1882, 356—368].

емые тексты в соответствии со своим пониманием спорного вопроса, «извращая», с точки зрения поборников православия, истинный смысл высказываний церковных учителей. Например, автор книги «Выклад» игумен Феодосий Сафонович, защищавший римско-католическое учение о времени пресуществления, обращался за аргументами к трудам Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Германа, патриарха Константинопольского, Нила Кавасилы и Симеона Солунского, истолковывая их высказывания в пользу своих собственных взглядов на спорный предмет. Чтобы доказать неправомерность подобной интерпретации латинствующими сочинений известных богословов писатели патриаршего круга считали, по-видимому, необходимым сделать новые переводы как уже обращавшихся в русской письменности, так и не переводившихся ранее текстов авторитетных авторов, в особенности тех, которые непосредственно касались проблем, лежавших в основе распрей русских книжников в конце XVII в.

Некоторые из переводов были использованы уже в Основной редакции книги, другие, сделанные через несколько лет, вошли в ее новую редакцию — Дополненную. Таким образом, работа, запланированная в самом начале подготовки «Щита веры», растянулась почти на десять лет. Можно предположить, что фрагменты отдельных сочинений были специально переведены уже во время подготовки Основной редакции. Так, например, здесь был использован текст из книги Нектария, патриарха Иерусалимского, «О начальстве папы противовещание», повествующий о путешествии императора Иоанна Палеолога на Флорентийский собор, хотя перевод полемического труда патриарха Иерусалимского был завершен позднее⁵, полностью книга вошла уже в Дополненную редакцию [ГИМ, Синод. собр., № 346, л. 875—1133 об.]. Правда, при этом следует учитывать и другую возможность: данный фрагмент мог быть позаимствован создателями Основной редакции сборника и через посредство какого-то иного текста, так как описанный в нем эпизод восходит, по-видимому, к «Истории» Сильвестра Сиропула⁶, на его имя ссылались создатели «Щита веры» в главе, посвященной Флорентийскому собору.

Упомянутые Евфимием в перечне книг его вклада в Успенский собор названия ранее были перечислены им в Послании патриарху Адриану, где чудовский инок убеждал главу Русской церкви в необходимости «печатного тиснения» переведенных трудов вместе с новой редакцией «Щита веры», рассматривая их в качестве духовного оружия для защиты православия от западного конфессионального вли-

⁵ Перевод книги Нектария Иерусалимского был сделан Федором Поликарповым в 1693 г. и отредактирован Евфимием Чудовским [см.: Соболевский, 1903, 346—347; Буланин, Зиборов, 2004, 112—113].

⁶ Речь идет о труде Сильвестра Сиропула «*Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive concilii Florentini exactissima narratio*» (начало его было утрачено, название дано издателем). З. В. Удальцова отмечала, что данное сочинение следует рассматривать как «важнейший источник православного направления, трактующий историю Флорентийского собора с позиций грека-ортодокса» [Удальцова, 1905, 107].

яния — «оружия Духа Святаго, поражающая востающую на Церковь Христову... крушащая еретиков рога, возносящаяся на высоту и не попускающая глаголати на православие неправду». Он выделил здесь следующие переводные сочинения, снабдив их собственными краткими оценочными характеристиками: «Еще и иная оружия, потруженная чрез мужы мудрыя и святыя, яже суть сия. Дионисия Ареопагита... с толкованми святаго Максима Исповедника и Пахимера мудраго... Василиа Великаго богословная словеса, евномианскую ересь обличающая и побеждающая, православие же и богословие изъясняющая. Григория Богослова словеса с толкованми мудраго Никиты, епископа Ираклийскаго, многыя ереси поратующая и разоряющая. Иоанна Златоустаго о адриантах книга многополезная. Кирилла Иерусалимскаго всецелая 18 словеса, приходящия к вере оглашаемая, православию научающая, и пять словеса тайноводственная. Симеона Фессалоникийскаго, купно вся еретическыя плевелы обличающая и отвещающая тыя от православных нивы. Мелетиа Сирига, учителя великаго Константинопольския церкви, и Досифеа, святейшаго Иерусалимскаго патриарха, Сечиво, изсекающее изкоренно терния латинская, и лутерская, и калвинская. Григория святейшаго и мудрейшаго Паламы. И Нила Кавасила, вконец разоряющая силлогисмы латинскыя. Нектария, блаженнейшаго патриарха Иерусалимскаго, противовещания к принесенным от фраторов положением о латинских новинах, невозникновенно низлагающая. Германа, святейшаго патриарха Константинопольскаго, исповедника, Толкование о литургии святей и показание о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христову наитием и действием Святаго Духа... Сих овая собрана и оставлена от святейшаго Иоакима, всероссийскаго патриарха... овая же прислана от святейшаго Досифеа, иерусалимскаго патриарха, к блаженству твоему, Сечива два и Каталлаги. И сия вся с многим трудом преведена на славенский наш язык...» [ГИМ, Синод. собр., № 346, л. 6—7].

О том, сколь значимы были, с точки зрения чудовского инока, данные переводные тексты для идейной борьбы с «ратниками» православия, свидетельствует название, которым он обозначил свое Послание в черновом списке, где высказал мысль о необходимости их издания: «На новопреведенныя книги, паче же на пера Катихисис, о еже бы напечатати тыя, яже zde имени написашася» [ГИМ, Синод. собр., № 654, л. 3—9]⁷. Следует отметить, что в отредактированном списке, включенном в «Щит веры» Дополненной редакции, название снято, Послание здесь начинается непосредственно с обращения к патриарху.

Можно предположить, что работа над созданием Дополненной редакции началась около 1693 г., когда в Патриаршую библиотеку поступили книги, присланные в Москву в 1692 г. иерусалимским патриархом Досифеем [Фонкич, 1977, 205—211]. Об этом сообщает текст, написанный от имени патриарха Адриана [см.: ГИМ,

⁷ Текст автографа пестрит вставками, зачеркнутыми словами и исправлениями автора. Название сохранил и список Послания конца XVII в. в рукописи [РНБ, собр. Погодина, № 1559, л. 74—80 об.], который был опубликован А. Ф. Бычковым со значительными сокращениями как «послание неизвестного» [см.: Бычков, 1882, 84—86].

Синод. собр., № 654, л. 16—18 об.]]⁸, в котором вначале упоминается о присылке Досифеем еще во времена патриаршества Иоакима книги Симеона Солунского⁹, а затем извещается и о недавно полученных от иерусалимского патриарха книгах: «Известно творю хотящим ведати о богодухновенных книгах сих, откуда и како и когда пристязашася мерности нашей... Ныне же в 7201-м лете... святейший Досифей патриарх приела с честным и мудрым мужем, иеромонахом Хрисанфом, архимандритом святого Гроба Господня, книги единадесять числом, печатныя, овы греческия, овы же греколатинския, и едину рукописную, в ней же собрание законов о различных винах в пятидесяти главах...» [Там же, л. 16 об.]. Далее патриарх перечисляет в своем «извещении» труды Иоанна Зонары, Феодора Вальсамона, Алексея Аристина, Матфея Властаря, патриарха Германа, Нила Кавасилы, послания Игнатия Богоносца. Он также пишет о том, что Досифей высказал пожелание, «еже бы и сия вся книги на славенский диалект превести и напечатати в пастве нашей в царствующем велицем граде Москве», которое Адриан обещает исполнить: «И Богу благоволившу, тщание положим и, кроме прошения его, святейшаго Досифея патриарха, а такового ради прошения наипаче потщимся вся сия, с ними же и Исповедание православныя веры, в трех частех сущее, составленное по прошению Петра Могилы... издати печатным же тиснением купно с книгами: Врачевством, Разглаголством учителя грека с иисуитом, Остном — противящияся преданием и чином святыя восточныя Церкви предающим, и Щитом веры, юже собра святейший Иоаким патриарх во днеш его на изникший терн латинскаго прозябения...» [ГИМ, Синод. собр., № 654, л. 17 об. — 18].

Полученная в 1693 г. литература представляла богатый материал по спорным проблемам, обсуждавшимся московскими книжниками, который мог тематически существенно дополнить уже готовый (но еще не напечатанный) текст «Щита веры», «собранный» Афанасием Холмогорским на основе сочинений писателей патриаршего круга и переводных разножанровых текстов. По-видимому, в это время Евфимий Чудовский, руководствуясь высказанным Адрианом в своем «извещении» намерением, которое подтверждало данное ранее патриархом Иоакимом благословение на издание «Щита веры», и начал работу над подготовкой к печати новой редакции книги, постепенно дополняя текст вновь подобранными материалами, в частности новыми переводами, по мере их готовности. Например, сюда были включены упомянутые в «извещении» Адриана послания Игнатия Богоносца [Там же, № 346, л. 1156—1200]. Далее Евфимий присоединил и русские полемические тексты, созданные в связи с идейной борьбой последних

⁸ Текст опубликован с отдельными сокращениями [см. об этом: Горский, Невоструев, 1859, 486—489]. Еще один список данного текста конца XVII в., несколько переработанный и измененный, главным образом за счет сокращений, содержится в конволютной рукописи [РНБ, собр. Погодина, № 1963, л. 185—186 об.]; описание сборника см.: Бычков, 1882, 350—365.

⁹ Этот труд Симеона Солунского был переведен Евфимием Чудовским в 1686—1688 гг. [см.: Исаченко-Лисовая, 1992, 290] и позднее использован в качестве источника в Основной редакции «Щита веры».

лет, т. е. он постарался учесть события и реалии современного культурно-исторического контекста, которые прямо касались главной темы книги. Так, здесь нашли отражение события и идейные столкновения, связанные не только с Сильвестром Медведевым и его единомышленниками (как в тексте Основной редакции), но и с именами Яна Белобоцкого, Григория Скибинского и Петра Артемьева. Помимо продолженной на страницах сборника полемики с латинствующими — выразителями неправославного мнения о времени пресуществления, редактор книги считал необходимым выразить и свое негативное отношение к идеям протестантизма, порицая «лютеров» и «калвинов» как разрушителей истинного вероучения (в Основной редакции эта тема практически не обсуждалась). Несмотря на значительный объем дополнительных материалов, расширивших проблематику книги, все они по своему содержанию лежат в русле ее общей идейной направленности.

Создавая новую редакцию «Щита веры», ее автор в определенной мере нарушил прежнюю структуру книги. Если текст Основной редакции разделен по тематическому принципу на части, названные Беседами, то в новой редакции материалы расположены более свободно, хотя и здесь Евфимий стремился группировать их в соответствии с рассматриваемыми темами или в связи с именами тех лиц, с которыми он полемизировал: Петром Артемьевым, Григорием Скибинским и др. По каким-то соображениям он полностью переписал некоторые сочинения, уже цитировавшиеся в Основной редакции (например, «Акос» и «Мечец духовный» братьев Лихудов). В итоге присоединенный к ней комплекс дополнительных материалов составил своеобразное продолжение книги.

Итак, работа Евфимия Чудовского над созданием Дополненной редакции продолжалась, по-видимому, в течение нескольких лет: тексты, присоединенные к Основной редакции, подбирались, создавались, редактировались или специально переводились в разные годы в продолжение значительного отрезка времени, около десяти лет. В целом состав дополнений к основному тексту сборника дает возможность судить о содержании и характерных особенностях его новой редакции, понять причины, побудившие грекофилов в лице Евфимия Чудовского к ее созданию. Здесь писатель продолжил спор, начатый десятилетие тому назад, дополнив аргументацию в защиту позиции составителей книги по вопросу о времени пресуществления новыми источниками, большая часть которых представлена переводами конца XVII в. Их использование позволило писателю выразить свое отношение к новым веяниям времени и вновь обозначить актуальность проблемы защиты и сохранения православия как основы национальной культуры, что являлось одной из основных идей «Щита веры».

Буланин Д. М. Евфимий, келарь Чудова монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII век. Ч. 4. Дополнения. С. 695—698.

Буланин Д. М., Зиборов В. К. Феодор Поликарпов Орлов // Там же. С. 105—130.

Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2.

Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век. Ч. 1. С. 287—296.

Курукина И. Л. Материалы к истории полемики конца XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7, ч. 2. М., 1994. С. 429—440.

Панич Т. В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.

Ровинская И. Л. Место «Щита веры» и «Остена» в идеологической борьбе конца XVII века // Мир старообрядчества. Вып. 4. М., 1998. С. 428—429.

Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 242—243.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиогр. материалы // Сб. ОРЯС. СПб., 1903. Т. 74, № 1.

Удальцова З. В. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // Византийский временник. Т. 3. М.; Л., 1950. С. 106—132.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977.

Р. О. Туксаитова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Последнее десятилетие в постсоветском Казахстане характеризуется политическими и социальными изменениями: распад СССР и приобретение республикой независимости, социально-экономическая перестройка, резкий отток русскоязычного населения. Интенсивные социальные процессы влияют на формирование особой языковой ситуации: статус государственного приобретает казахский язык; русский язык остается средством межнационального общения и по-прежнему играет важную роль в сферах образования и культуры. В Казахстане сохраняется реальный билингвизм, а в центре внимания читающей публики по-прежнему остаются русскоязычные художественные произведения казахских авторов. Все это свидетельствует о том, что проблема билингвизма вообще и художественного билингвизма в частности не утратила своей актуальности.

Феномен билингвизма (двуязычия) является предметом пристального внимания многих исследователей. Последнее объясняется не только многоаспектностью проблемы билингвизма, но и его судьбой, зависящей во многом от языковой политики, которая, к сожалению, не всегда учитывает характер взаимодействия культур и языков народов, проживающих на одной территории. В научной литературе рассматриваются общие вопросы билингвизма с позиций лингвистики, психологии, социологии, психолингвистики, вскрываются причины возникновения билингвизма, его этнокультурные корни [см.: Гумилев, 1989, 764]. В коллективных монографических трудах советской эпохи систематизируются аспекты данной проблемы: на разнообразном фактическом материале рассматриваются важ-